УДК 902.2

С.В. Шнайдер[1, 2], Т.Т. Чаргынов[3], С. Алишер кызы[4], Р.Н. Курбанов[5, 6], М. Крайцарж[7], А.И. Кривошапкин[1, 4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
[2]Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;
[3]Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызстан;
[4]Новосибирский государственный университет, Россия;
[5]Московский государственный университет, Москва, Россия;
[6]Институт географии РАН, Москва, Россия;
[7]Институт геологии, Варшава, Польша

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ХОДЖА-ГОР В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2018 г.*

В последнее десятилетие проводится активное изучение комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена на территории Памиро-Алая в рамках масштабных работ Института археологии и этнографии СО РАН в содружестве с местными научными центрами. Последние результаты исследований позволили пересмотреть культурную и хронологическую атрибуцию ряда ключевых комплексов и выделить кульбулакскую культуру и туткаульскую линию развития [Колобова, 2014; Шнайдер, 2015]. Тем не менее часть объектов, известных с советского периода, еще не введена в научный оборот. В 2018 г. проведено полевое изучение одного из таких объектов – стоянки Ходжа-Гор. В ходе работ на памятнике была собрана представительная коллекция каменных артефактов, проведено геоморфологическое описание стоянки и отобрана серия образцов для ОСЛ-датирования. Предварительные результаты позволяют изменить существующую культурно-хронологическую интерпретацию комплекса: в настоящий момент индустрия памятника Ходжа-Гор рассматривается как относящаяся к периоду раннего голоцена исследуемого региона. Ближайшие технологические аналогии выделены в комплексах стоянок Обишир-5 и Обишир-1.

Ключевые слова: Памиро-Алай, финальный плейстоцен, ранний голоцен, каменная индустрия, микропластинчатое расщепление.

DOI: 10.14258/tpai(2018)4(24).-00

Введение

Систематическое изучение верхнего палеолита Памиро-Алая проводится уже более семи десятилетий, за прошедшее время не раз менялись методические подходы к интерпретации археологического материала. В советский период прослеживалась количественная диспропорция верхнепалеолитических памятников по отношению к среднепалеолитическим и к мезолитическим объектам, а среди имеющихся стоянок верхнего палеолита было известно малое количество стратифицированных объектов. Причину этой диспропорции Р. Дэвис и В.А. Ранов видели в возможной депопуляции региона во временном интервале между 40 тыс. л.н. и 25 тыс. л.н. [Ranov, Davis, 1979]. В целом для верхнего палеолита региона были характерны мозаичность технико-типологических характеристик и практически полное отсутствие абсолютных датировок. Данное обстоятельство препятствовало выделению культур, и каждый стратифицированный верхнепалеолитический объект в регионе рассматривался как уникальный [Коробкова, 1972; Холюшкин, 1981; Абрамова, 1984; Колобова, Кривошапкин, 2015]. В последнее время проводятся активные работы по изучению верхнего палеолита региона, которые включают и работу с уже известными археологическими коллекциями,

* Работы выполнены при поддержке гранта РФФИ №18-09-00222, лабораторное изучение материала проведено при поддержке гранта Президента РФ МД-2845.2017.6.

и проведение новых полевых исследований. В результате данной программы исследований было предложено на основе материалов памятников Кульбулак, Шугноу, Додекатым-2, Кызыл-Алма-2 выделить кульбулакскую культуру [Колобова и др., 2017; Колобова и др., 2018]. В связи с этим остро встает вопрос об атрибуции ранее известных, но полностью не опубликованных материалов. Одним из таких памятников является Ходжа-Гор (Кыргызстан), который долгое время рассматривался в качестве ключевого верхнепалеолитического памятника и выступил основой для выделения ходжагорского варианта верхнего палеолита [Ранов, Несмеянов, 1973].

Памятник Ходжа-Гор: расположение и история изучения

Стоянка Ходжа-Гор расположена в 1,5 км южнее пос. Чорку, на правом побережье р. Исфара, в Качакарынском впадине у киш. Кок-Таш, Баткенская область, Кыргызстан (рис. 1). Памятник был открыт и исследовался в 1954 г. отрядом Таджикской археологической экспедиции (ТАЭ) под руководством А.П. Окладникова. Находки на памятнике частично были собраны на поверхности, частично – в разведочных шурфах и в раскопе. Каменные изделия находились во взвешенном состоянии в слое палевого суглинка, слагающего верхнюю часть конуса выноса одного из саев, площадью около 200 кв. м. Всего в 1954 г. на стоянке Ходжа-Гор было обнаружено 2832 экз. [Окладников, 1959]. Впоследствии автор раскопок А.П. Окладников [1966] определил хронологические рамки индустрии стоянки Ходжа-Гор финалом верхнего палеолита и началом мезолита на основании данных типологического анализа каменных артефактов.

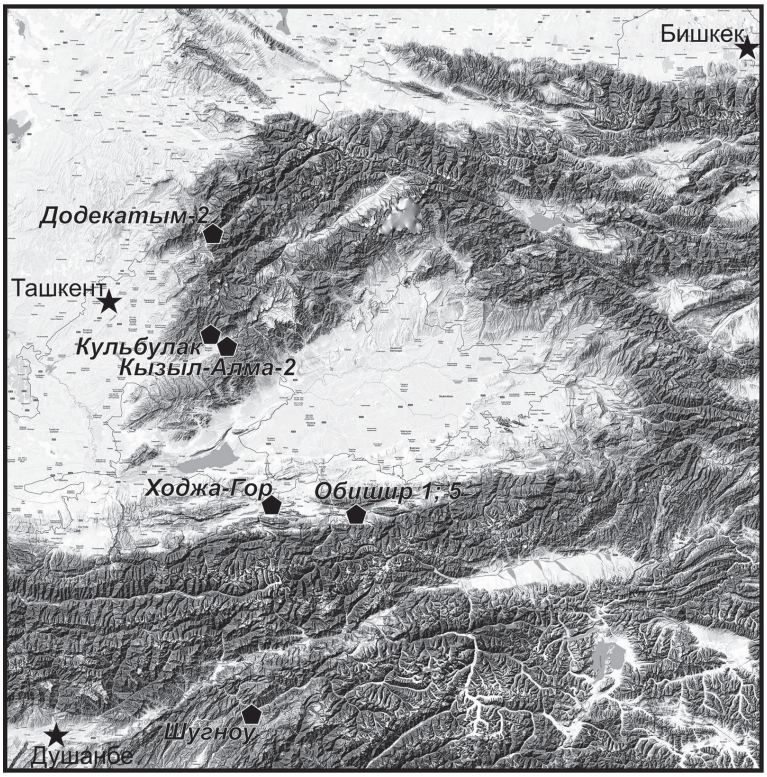

Рис. 1. Расположение археологических памятников, упоминающихся в тексте

В период 2015–2017 гг. был проведен детальный технико-типологический анализ индустрии каменных артефактов, обнаруженных на памятнике в 1954 г., в ходе которого было установлено, что первичное расщепление осуществлялось в рамках мелкопластинчатой техники, были выделены также единичные экземпляры микропластинчатых ядрищ. В орудийном наборе преобладали концевые скребки различных модификаций, выделялись острия с ретушью притупления, проколки и выемчатые изделия. К сожалению, определить точную культурно-хронологическую позицию памятника в рамках верхнего палеолита-эпипалеолита региона не удалось в силу невыразительности комплекса технико-типологических характеристик. Тем не менее проведенный анализ свидетельствует, что индустрия находит аналогии с материалами заключительного этапа кульбулакской культуры и ранним этапом туткаульской линии развития [Алишери, 2017].

В ходе разведочных работ 2017 г. стоянка Ходжа-Гор была обнаружена заново. Стоянка расположена в межгорном понижении правого борта долины р. Исфара, максимальная ширина которого достигает 2–2,5 км (рис. 2). Понижение заполнено мощной толщей пролювиально-коллювиальных отложений, накоплению которых способствовало наличие перемычки, отделяющей понижение от долины реки в виде продолжения северного хребта и крупного останца в центральной части депрессии. Наличие такого блокирующего выхода коренных пород, толщи рыхлых отложений и серии саев предопределили выходы родников, в районе которых и расположена стоянка. Строение разреза и морфология прилегающих склонов говорят о длительном стабильном геоморфологическом положении и отсутствии свидетельств влияния крупных событий в виде оледенений на рельеф района. Основная часть находок была обнаружена на террасовидной поверхности к востоку от останца коренных пород в центральной части долины. Поверхность террасы (100×150 м) характеризуется волнистым профи-

Место сбора артефактов

Рис. 2. Вид на памятник Ходжа-Гор

лем и слабым наклоном на восток. Заложенный шурф выявил неоднородное строение отложений, формирующих террасу. Помимо незначительного по мощности горизонта современного почвообразования отложения представлены чередованием уровней педогенеза в виде слабовыраженного гумусонакопления и иллювиальных уровней накопления карбонатных конкреций. Характер толщи свидетельствует о длительном периоде лессонакопления, периодически прерывавшемся этапами накопления селевых отложений. Немногочисленный археологический материал залегал во взвешенном состоянии в верхних 0,1 м отложений. Характер рельефа и строение разреза позволяют говорить о наличии культурного горизонта в приповерхностном слое. Отобранная серия проб для ОСЛ-датирования (рис. 3.-*2*) позволит определить возраст формирующих террасу отложений и культурного слоя, а также возможные уровни эрозии. Микроморфологический анализ строения отложений из погребенных почвенных уровней выявит влияние склоновых процессов на структуру отложений и механизм перемещения артефактов.

Материалы и методы

В ходе исследования была проанализирована археологическая коллекция, полученная в ходе полевых работ на памятнике Ходжа-Гор в 2018 г. В ходе исследования был проведен детальный технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода для коллекции каменных артефактов [Monigal, 2002; Павленок, Белоусова, Рыбин, 2011]. Необходимо отметить, что при анализе первичного расщепления в категорию отходов производства были отнесены обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 20 мм в максимальном измерении. Пластинчатые сколы дифференцируются по ширине. Пластинами являются сколы шириной более 12 мм, пластинками – до 12 мм включительно, микропластинами – до 6 мм включительно. Описание нуклеусов в работе приведено в соответствии с классификацией В.Н. Гладилина [1976].

Результаты и обсуждение

Наиболее многочисленный каменный материал был получен в ходе поверхностных сборов с площади 20×20 м (рис. 3.-*1*). Коллекция каменных артефактов насчитывает 1424 экз., из которых отходы производства (чешуйки, обломки, осколки, мелкие отщепы до 20 мм в наибольшем измерении) составляют 670 экз. (47%; табл. 1).

Таблица 1

Состав каменной индустрии памятника Ходжа-Гор (коллекция 2018 г.)

Категория первичного расщепления	**N**	**%**
Нуклеусы	55	7
Технические сколы	107	14
Отщепы	458	61
Пластины	57	8
Пластинки	60	8
Микропластины	17	2
Всего, без учета отходов производства*	754	53
Отходы производства (обломки, чешуйки, мелкие отщепы 20 мм)**	670	47
Всего	1424	100

* Процент от суммы артефактов горизонта без учетов отходов производства; ** Процент от общей суммы артефактов горизонта

Рис. 3. Процесс полевых работ на памятнике Ходжа-Гор:
1 – процесс сбора коллекции каменных артефактов; *2* – процесс отбора ОСЛ-образцов

Нуклевидных изделий выделено 55 экз. (7%), из них нуклевидных обломков – 8 экз. В коллекции преобладают цилиндрические (рис. 4.-*1, 3, 5, 7*) и конусовидные нуклеусы для микропластин (рис. 4.-*2, 4, 6*). Технических сколов выделено 107 экз. (14%), среди них преобладают краевые сколы, сколы подправки дуги скалывания, сколы подправки фронта расщепления, латеральные сколы, сколы подправки ударных площадок призматических нуклеусов (таблетки и полутаблетки) (рис. 4.-*9*; 5.-*13*). Судя по типологическим характеристикам набора технических сколов, можно констатировать, что они были получены в процессе утилизации объемных ядрищ.

Индустрия сколов насчитывает 458 экз. отщепов (61%). Большая часть отщепов длиной от 25 до 35 мм имеют подпрямоугольную либо нерегулярную форму. Среди остаточных ударных площадок преобладают гладкие, слабо скошенные к вентральной плоскости, помимо этого в коллекции представлены сколы с линейными, двугранными, многогранными, точечными и естественными ударными площадками. Огранки дорсальных поверхностей преимущественно продольные, имеются единичные экземпляры сколов, дорсальная поверхность которых представлена коркой.

Пластинчатых сколов в коллекции насчитывается 134 экз. (из них пластины – 57 экз., пластинки – 60 экз., микропластины – 17 экз., табл. 1). Пластины преимущественно во фрагментированном состоянии, среди них преобладают медиальные фрагменты. Длина целых сколов в среднем варьирует от 26 до 34 мм; ширина – от 13 до 17 мм, большая часть пластин имеет толщину 4 мм. Морфологические характеристики пластин указывают на то, что они были получены посредством продольного расще-

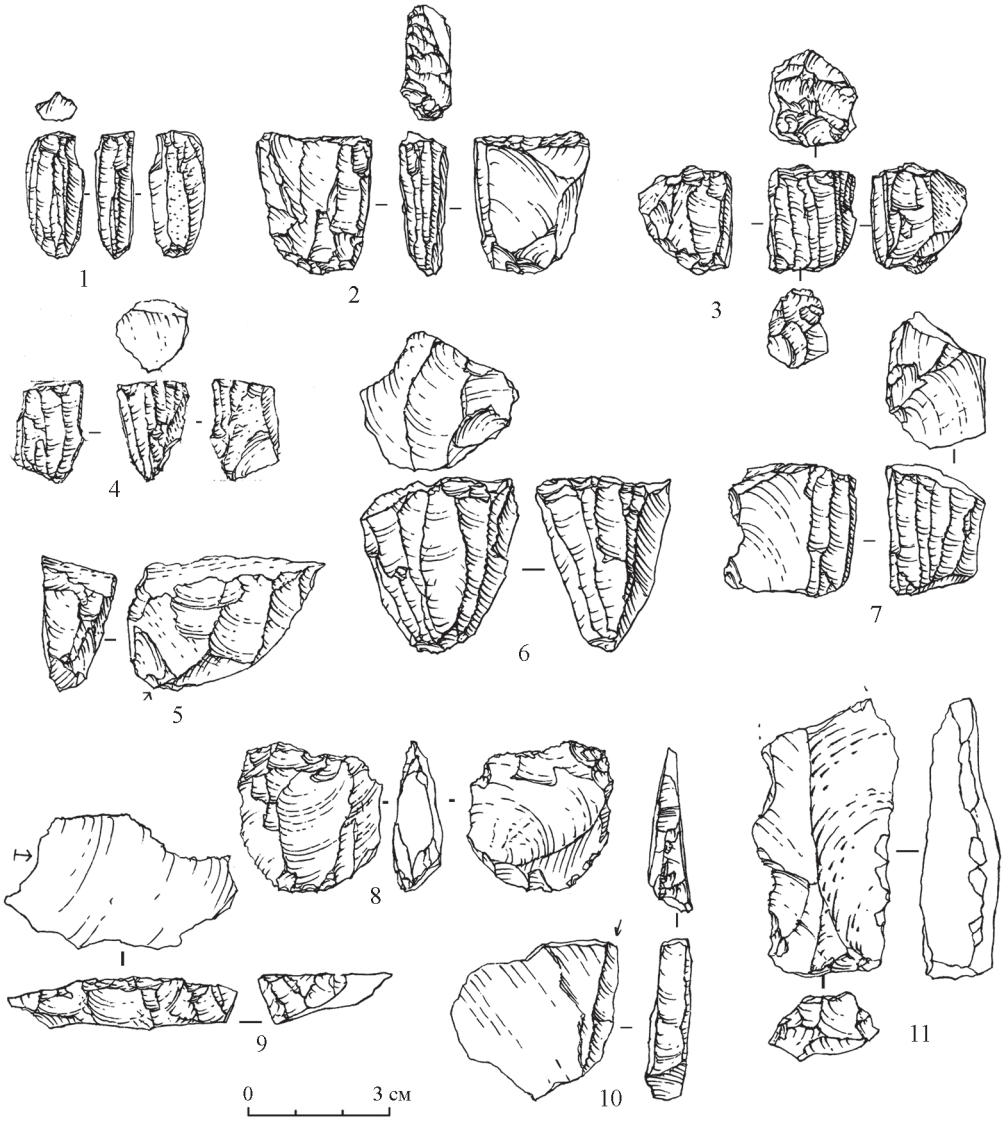

Рис. 4. Коллекция каменных артефактов с памятника Ходжа-Гор:
1–7 – нуклеусы; *8* – долотовидное орудие; *9* – скол подправки ударной площадки призматического нуклеуса (таблетка); *10* – резец; *11* – выемчатое орудие

пления вдоль одного направляющего ребра. В данной категории преобладают сколы с гладкой ударной площадкой, оформленной посредством прямой редукции.

Морфологические характеристики пластинок и микропластин в целом схожи, сколы преимущественно представлены медиальными фрагментами. Длина целых сколов варьирует от 17 до 27 мм, ширина – от 5 до 9 мм, а толщина – от 1 до 4 мм. Судя по характеристикам сколов, они реализовывались вдоль одного или двух направляющих ребер посредством продольного расщепления. Преобладают сколы с прямым

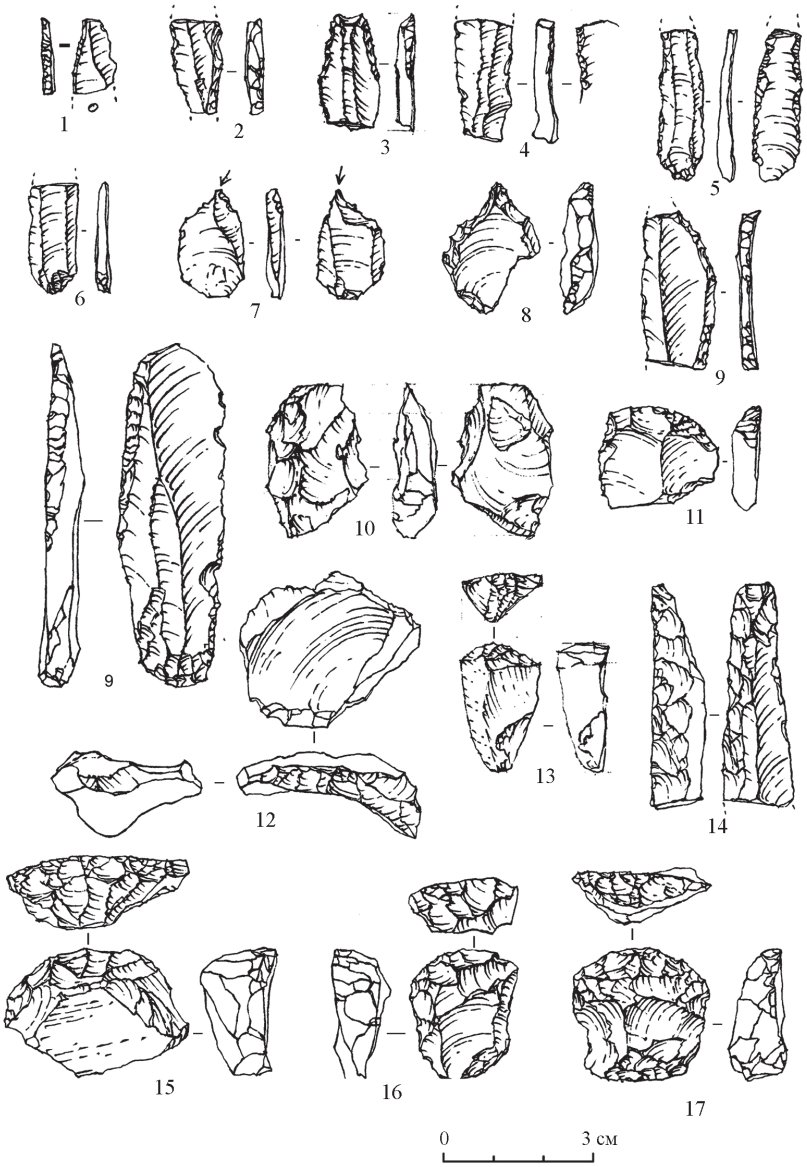

Рис. 5. Коллекция каменных артефактов с памятника Ходжа-Гор:
1–3, 9 – пластинки с притупленным краем; *4, 5* – пластинки с вентральной ретушью;
6 – пластинка; *7* – микрорезец; *8* – проколка; *9, 14* – пластины с дорсальной ретушью;
10 – долотовидное орудие; *11, 13, 15–17* – концевые скребки;
12 – скол подправки ударной площадки призматического нуклеуса (таблетка)

латеральным профилем. Большая часть пластинок имеет гладкие ударные площадки, единичные экземпляры сохранили линейные площадки со следами редукции мелкими сколами (рис. 5.-*6*). Среди микропластин преобладают сколы с линейными и точечными редуцированными ударными площадками.

В целом можно заключить, что первичное расщепление обнаруженного комплекса характеризуется конусовидными и цилиндрическими нуклеусами, утилизация которых была направлена на получение микропластин посредством техники отжима. В пользу применения данной техники скола свидетельствуют предварительные результаты атрибутивного изучения коллекции сколов и нуклеусов.

Орудийный набор представлен 218 экз. (15%) (табл. 2). Большую часть орудий составляют концевые скребки (рис. 5.-*13–17*) и выемчатые орудия (рис. 4.-*11*), единичными экземплярами представлены проколки (рис. 5.-*6*), пластинки с ретушью притупления (рис. 5.-*1–3, 9*), резцы (рис. 4.-*10*) и долотовидные изделия (рис. 4.-*8*; 5.-*12*), а также микрорезец (рис. 5.-*7*). Представительную серию орудийного набора составляют пластинки и микропластины с вентральной ретушью (рис. 5.-*4–6*), отмечены также пластинчатые сколы с дорсальной ретушью (рис. 5.-*10*).

Таблица 2

Состав орудийной коллекции памятника Ходжа-Гор (коллекция 2018 г.)

Тип орудия	**N**
Пластинка с притупленным краем	6
Пластина с притупленным краем	3
Пластины с альтернативной ретушью	1
Скребки	
Концевые скребки	83
Микроскребки	6
Двойной скребок	1
Проколка	1
Долотовидные	6
Выемчатые	12
Шиповидные	6
Резец	1
Острие	1
Микрорезец	1
Сколы с дорсальной ретушью	
Пластины с ретушью	9
Пластинка с ретушью	3
Отщепы с ретушью	6
Технические сколы	2
Сколы с вентральной ретушью	
Пластины с ретушью	2
Пластинки с ретушью	5
Микропластины с ретушью	6
Отщепы с ретушью	16
Сколы с ретушью утилизации	
Пластины с ретушью	8
Пластинки с ретушью	5
Отщепы с ретушью	10
Неопределимые фрагменты орудий	18
Всего	218

Результаты нового этапа исследований комплекса Ходжа-Гор позволяют в корне пересмотреть культурно-хронологическую позицию памятника в системе позднеплейстоценовых-раннеголоценовых комплексов региона. Ранее его индустрия рассматривалась в

качестве самостоятельного варианта верхнего палеолита, в целом синхронного комплексам Шугноу и Самаркандской стоянки (ок. 30–20 тыс. л.н.) [Ранов, Несмеянов, 1973]. В настоящий момент комплекс технико-типологических характеристик индустрии, свидетельствующий о широком применении техники отжима, утилизации объемных микропластинчатых ядрищ и специфических типов орудий (пластинки и микропластины с вентральной ретушью), позволяет проводить прямые аналогии с материалами памятников Обишир-5 и Обишир-1 (юг Ферганской долины, Кыргызстан), датирующихся в пределах 11–7 тыс. л.н. [Шнайдер и др., 2016; Shnaider et al., 2017; Федорченко и др., 2018].

Заключение

В результате предварительных исследований, на основании комплекса археологических данных можно констатировать, что комплекс стоянки Ходжа-Гор является одним из проявлений раннеголоценовых комплексов Ферганской долины с развитым микропластинчатым отжимным расщеплением. Проведение дальнейших полевых исследований, получение серии абсолютных дат и детальное сравнение с материалами, полученными в ходе исследований А.П. Окладникова, позволят уточнить позицию памятника Ходжа-Гор в структуре раннеголоценовых комплексов региона.

Библиографический список

Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М. : Наука, 1984. С. 135–161.

Алишери Д. Технико-типологическая характеристика мелкопластинчатых сколов стоянки Ходжа-Гор // Материалы 55-й Междунар. студ. конф. МНСК-2017. Археология. Новосибирск : Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2017. С. 7.

Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев : Наукова думка, 1976. 231 с.

Колобова К.А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня : автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014. 38 с.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Ревизия значимости объектов культурного наследия эпохи верхнего палеолита в западной части Центральной Азии // Universum Humanitarium. 2015. №1. С. 169–178.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Рудая Н.А., Худжагелдиев Т., Филимонова Т.Г., Кривошапкин А.И. Шугноу: верхний палеолит на подступах к Памиру. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. 200 с.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Шалагина А.В. Обоснование возраста ранних геометрических микролитов в западной части Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 155–164.

Коробкова Г.Ф. Изучение каменной индустрии и проблема выделения культур и локальных вариантов (по материалам мезолита и неолита Средней Азии) // Каменный век Средней Азии и Казахстана. Ташкент : Фан, 1972. С. 48–54.

Окладников А.П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы // Материалы II совещания археологов и этнографов Средней Азии. М. ; Л. : Наука, 1959. С. 4.

Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М. ; Л. : Наука, 1966. С. 3–76.

Павленок К.К., Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П. Атрибутивный подход к реконструкции «операционных цепочек» расщепления камня // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2011. Т. 10, вып. 3: Археология и этнография. С. 35–46.

Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе : Дониш, 1973. 161 с.

Федорченко А.Ю., Шнайдер С.В., Крайцарж М.Т., Романенко М.Е., Абдыканова А., Колобова К.А., Алишер кызы С., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Технология изготовления каменных украшений из раннеголоценовых комплексов западной части Центральной Азии (по материалам стоянки Обишир-5) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. №1. С. 3–15.

Холюшкин Ю.П. Проблемы корреляции позднепалеолитических индустрий Сибири и Средней Азии. Новосибирск : Наука, 1981. 120 с.

Шнайдер С.В. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 26 с.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер-кызы С., Романенко М.Е. Результаты полевых исследований памятника Обишир-5 в 2016 году (юг Кыргызстана) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 194–198.

Monigal K. The Levantine leptolithic: blade technology from the Lower Paleolithic to the dawn of the Upper Paleolithic : Unpublished Ph.D. dissertation. 2002. Southern Methodist University, USA.

Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // Current Archeology. 2 (1979). P. 249–262.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipalaeolithic in western Central Asia: Obishir-5. Antiquity Project Gallery 91/360 (2017) [Электронный ресурс]. URL : https://doi.org/10.15184/aqy.2017.213.

References

Abramova Z.A. Pozdnij paleolit Aziatskoj chasti SSSR [Late Paleolithic of the Asian part of the USSR]. Paleolit SSSR [Paleolithic of the USSR]. M. : Nauka, 1984. Pp. 135–161.

Alisheri D. Tehniko-tipologicheskaja harakteristika melkoplastinchatyh skolov stojanki Hodzha-Gor [Technical and Typological Characteristics of the Small Plate Chips of the Khodja-Gore Site]. Materialy 55-j Mezhdunar. stud. konf. MNSK-2017, Arheologija [Materials of the 55th International Student Conference. ISSC-2017. Archaeology]. Novosibirsk : Izd-vo Novosibirskogo gos. un-ta, 2017. P. 7.

Gladilin V.N. Problemy rannego paleolita Vostochnoj Evropy [Problems of the Early Paleolithic of Eastern Europe]. Kiev : Naukova dumka, 1976. 231 p.

Kolobova K.A. Verhnij paleolit Zapadnogo Pamiro-Tjan'-Shanja : avtoref. dis. … d-ra ist. nauk [Upper Paleolithic of the Western Pamir-Tien Shan: Synopsis Dis. ... Dr. Hist. Sciences. Novosibirsk, 2014. 38 p.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Revizija znachimosti ob"ektov kul'turnogo nasledija jepohi verhnego paleolita v zapadnoj chasti Central'noj Azii [Revision of the Significance of the Cultural Heritage of the Upper Paleolithic in the Western Part of Central Asia]. Universum Humanitarium. 2015. №1. Pp. 169–178.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnajder S.V., Rudaja N.A., Hudzhageldiev T., Filimonova T.G. Krivoshapkin A.I. Shugnou: verhnij paleolit na podstupah k Pamiru [Shugnow: Upper Paleolithic at the Approaches to the Pamir]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii CO RAN 2017. 200 p.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnajder S.V., Shalagina A.V. Obosnovanie vozrasta rannih geometricheskih mikrolitov v zapadnoj chasti Central'noj Azii [Justification of the Age of Early Geometric Microliths in the Western Part of Central Asia]. Teorija i praktika arheologicheskih issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2018. №1 (21). Pp. 155–164.

Korobkova G.F. Izuchenie kamennoj industrii i problema vydelenija kul'tur i lokal'nyh variantov (po materialam mezolita i neolita Srednej Azii) [Study of the Stone Industry and the Problem of Separating Cultures and Local Variants (according to the materials of the Mesolithic and Neolithic of Central Asia)]. Kamennyj vek Srednej Azii i Kazahstana [Stone Age of Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent : Fan, 1972. Pp. 48–54.

Okladnikov A.P. Kamennyj vek Tadzhikistana. Itogi i problem [Stone Age of Tajikistan. Results and Problems]. Mat-ly II soveshh. arheol. i jetnogr. Srednej Azii [Proceedings of the II Congress of Archaeologists and Ethnographers of Central Asia]. M. ; L. : Nauka, 1959. P. 4.

Okladnikov A.P. Paleolit i mezolit Srednej Azii [Paleolithic and Mesolithic of Central Asia]. Srednjaja Azija v jepohu kamnja i bronzy [Central Asia in the Era of Stone and Bronze]. M. ; L. : Nauka, 1966. Pp. 3–76.

Pavlenok K.K., Belousova N.E., Rybin E.P. Atributivnyj podhod k rekonstrukcii «operacionnyh cepochek» rasshheplenija kamnja [Attributive Approach to the Reconstruction of the "Operational Chains" of Stone Splitting[. Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Serija : istorija, filologija. 2011. T. 10, vyp. 3: Arheologija i jetnografija [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2011. Vol. 10, no. 3: Archaeology and Ethnography]. Pp. 35–46.

Ranov V.A., Nesmejanov S.A. Paleolit i stratigrafija antropogena Srednej Azii [Paleolithic and Anthropogenic Stratigraphy of Central Asia]. Dushanbe : Donish, 1973. 161 p.

Fedorchenko A.Ju., Shnajder S.V., Krajcarzh M.T., Romanenko M.E., Abdykanova A., Kolobova K.A., Alisher kyzy S., Tjejlor V., Krivoshapkin A.I. Tehnologija izgotovlenija kamennyh ukrashenij iz rannegolocenovyh kompleksov zapadnoj chasti Central'noj Azii (po materialam stojanki Obishir-5) [Manufacturing Technology of Stone Ornaments from Early Holocene Complexes of the Western Part of Central Asia (based on the Obishir-5 site)]. Arheologija, jetnografija i antropologija Evrazii [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2018. №1. Pp. 3–15.

Holjushkin Ju.P. Problemy korreljacii pozdnepaleoliticheskih industrij Sibiri i Srednej Azii [Correlation Problems of the Late Paleolithic Industries of Siberia and Central Asia]. Novosibirsk : Nauka, 1981. 120 p.

Shnajder S.V. Tutkaul'skaja linija razvitija v mezolite zapadnoj chasti Central'noj Azii : avtoref. dis. … kand. ist. nauk [Tutkaul Line of Development in the Mesolithic of the Western Part of Central Asia : Synopsis Dis. ... Cand. Hist. Sciences. Novosibirsk, 2015. 26 p.

Shnajder S.V., Abdykanova A., Krajcarzh M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Alisher-kyzy S., Romanenko M.E. Rezul'taty polevyh issledovanij pamjatnika Obishir-5 v 2016 godu (jug Kyrgyzstana) [Results of Field Studies of the Obishir-5 Site in 2016 (south of Kyrgyzstan)]. Problemy arheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii CO RAN SO RAN, 2016. Vol. XXII. Pp. 194–198.

Monigal K. The Levantine Leptolithic: Blade Technology from the Lower Paleolithic to the Ddawn of the Upper Paleolithic : Unpublished Ph.D. Dissertation. 2002. Southern Methodist University, USA.

Ranov V.A., Davis R. Toward a New Outline of Soviet Central Asian Paleolithic // Current Archeology. 2 (1979). P. 249–262.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher kyzy S., Krivoshapkin A.I. New Investigations of Epipalaeolithic in western Central Asia: Obishir-5. Antiquity Project Gallery 91/360 (2017). Available at: https://doi.org/10.15184/aqy.2017.213

S.V. Shnayder[1, 2], T.T. Chargynov[3], S. Alisher kyzy[4], R.N. Kurbanov[5, 6], M. Krajcarz[7], A.I. Krivoshapkin[1, 4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia;
[2]Altai State University, Barnaul, Russian Federation;
[3]Zh. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyzstan;
[4]Novosibirsk State University, Novosibirsk. Russia;
[5]Moscow State University, Moscow, Russia;
[1]Institute of Geographyy RAS, Moscow, Russia;
[7]Institute of Geological Sciences, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

RESULTS OF THE RESEARCH OF THE HODJA-GOR SITE IN THE FIELD SEASON OF 2018

In the latest decade, an active study has been conducted of the complexes of the final Pleistocene – Early Holocene in the territory of the Pamir-Alai within the framework of large-scale works of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS in collaboration with local scientific centers. The latest research results allowed revising the cultural and chronological attribution of a number of key complexes and to highlight the Kulbulak culture and the Tutkaul line of development [Kolobova, 2014; Schneider, 2015]. Nevertheless, some of the objects known from the Soviet period have not yet been introduced into scientific circulation. In 2018, a field study was conducted of one of such objects – the Khoja-Gore site. During the work on the site, a representative collection of stone artifacts was collected, a geomorphological description of the site was made, and a series of samples were selected for OSL dating. Preliminary results allow us to change the existing cultural and chronological interpretation of the complex: at present, the industry of the Khoja-Gore sire is regarded as belonging to the Early Holocene period of the studied region. The closest technological analogies are highlighted in the Obishir-5 and Obishir-1 sites.

Key words: Pamiro-Alay, Final Pleistocene, Early Holocene, lithic industry, microblade knapping.